

Д.Я. Майдачевский

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И УРОКИ РАЗВИТИЯ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ

Приступая к характеристике предметной области исследования и подходов к ее познанию, прежде всего, укажем на сложившиеся к настоящему времени институциональные различия в ее изучении. С одной стороны, прошлое историко-экономического знания как суб-дисциплинарная историография выступает неотъемлемой частью исторической науки. С другой — «экономическая историография» («историко-экономическая историография», «историография экономической истории») является самостоятельным исследовательским направлением в экономической истории как отрасли науки экономической¹.

Слово «историография» нередко используется не только для обозначения исторического знания, но и в более узком смысле — знания о развитии исторического знания, науки, либо даже истории изучения какой-либо проблемы, т.е. истории историографии. Поскольку же словом «экономика» обозначается как объект, так и знание об этом объекте, понятие «экономическая историография» зачастую используется и историками экономической мысли при изучении прошлого своей предметной области, т.е. истории экономического знания, науки.

В работах, как историков, так и экономистов, в качестве автора, впервые пустившего в научный оборот понятие «экономическая историография», называется Е.В. Тарле. Такой, едва ли не единодушный, выбор объясняется, на наш взгляд, лишь тем, что и в названии — «Чем объясняется современный интерес к экономической истории», и в содержании статьи, где оно впервые было использовано², присутствует элемент рефлексии относительно историографирования экономической истории. Историк определяет границу между причинами, обусловившими общественный («в широких слоях читающего общества») и

научный («среди людей науки») интерес к экономической истории, фактически как границу между «внешней» и «внутренней» историей науки, рассматривает отклонение историографического процесса в направлении изучения экономической стороны истории как порождение социального контекста эпохи и т.д.

Между тем, используемое Е.В. Тарле выражение «произведения экономической историографии» совпадает по смыслу со словосочетанием «экономическое направление в историографии», десятилетием ранее употреблявшимся в широко известных статьях Н.И. Кареева, посвященных «экономическому материализму в истории»³. В том и другом случае речь фактически идет об исторических сочинениях, посвященных экономической стороне исторического процесса и выяснению причин роста совокупной массы подобных трудов, т.е. слово «историография» используется в первом, «широком» его значении.

Отечественная историческая наука обратилась к обсуждению проблем экономической историографии в «узком» смысле как направления науки, занятого изучением процесса развития историко-экономического знания (науки), только в середине XX столетия. Что является лишним свидетельством того, что сами историко-экономические исследования находились в нашей стране на крайне низком уровне. Явно недостаточном для того, чтобы рефлексия по поводу историографирования этого процесса могла выделиться в самостоятельное исследовательское направление исторической или экономической науки.

Зачинателем этого исследовательского направления в стране стал В.К. Яцунский. Хотя сам ученый и не рассматривал занятия экономической историографией в качестве самостоятельного направления научных поисков, называя их частью «работы по выяснению основных линий развития историографии Запада»⁴, с учетом материалов, отложившихся в личном архивном фонде, его с полным правом можно назвать первопроходцем, автором первых фундаментальных исследований по истории историко-экономической науки. Немногочисленные публикации ученого в этой области демонстрировали отличное от представленного в отечественной историографии видение экономической истории как науки, особенностей зарождения этой отрасли знания.

В октябре 1946 г. на заседании историографической комиссии Института истории АН СССР В.К. Яцунский выступил с докладом «Возникновение экономической историографии», в котором признал наличие значительной диспропорции между развитием мировой историко-экономической науки и степенью ее изученности, при этом уточнив, что «по историографии экономической в нашей советской литературе мы не знаем ничего»⁵.

Обсуждение доклада (в котором приняли участие В.П. Волгин, Н.М. Дружинин, В.М. Лавровский, А.В. Ефимов и др.) показало, что на пути такого изучения немало «подводных камней». И первый, о который «споткнулись» едва ли не все участники дискуссии — это уже упоминавшаяся дихотомия понятия «экономическая историография», под которой присутствующие понимали и собственно историко-экономическое знание как совокупность научных трудов о хозяйстве какого-либо периода, и работы по истории зарождения и последующего развития самой науки — хозяйственной истории.

Двойственность эта присутствовала уже в заглавном докладе. В.К. Яцунский «экономической историографией ... назвал тот отдел изучения, который интересуется изучением истории хозяйства»⁶, т.е. «ветвь» или отрасль исторического знания. При этом, однако, оговаривая, что «когда мы изучаем историографию, то мы должны показать две стороны этой проблемы: т.е. как изучалось хозяйственное прошлое, и как развивалась эта идея о роли этого хозяйства в прошлом...»⁷, фактически признавая право на существование экономической историографии как истории исторического знания.

Возникновение экономической историографии ученый связывал с появлением специальных сочинений или, по крайней мере, глав специального экономического содержания в общих работах в достаточном количестве⁸. Предпринятый им анализ таких сочинений позволил сформулировать два положения. Во-первых, экономическая историография, т.е. экономическая история как отрасль исторической науки, занятая изучением хозяйственного прошлого, стала складываться в основных своих чертах в XVIII столетии. Во-вторых, формирование ее происходило вне рамок исторической науки (в его терминологии — «общей историографии»).

Творцами науки были экономисты в широком смысле этого слова, не столько «теоретики», сколько авторы, писавшие по вопросам экономической политики и статистики, что, считал ученый, было характерно для всех отраслевых историографий — истории права, литературы, искусства и т.д.⁹ Позднее В.К. Яцунский усилит этот свой вывод: экономическая история не только формируется за пределами общей историографии, но и развивается параллельно ей, расширяя проблематику исследований отнюдь не благодаря историкам¹⁰. Ученый крайне скептически оценит и успехи экономической историографии в деле «внедрения» в общую историографию, как в прошлом, так и в «наши дни»¹¹.

Нет ничего удивительного, поэтому в том, что по ходу возникшей дискуссии сразу же был поднят вопрос об уместности использования самого термина «экономическая историография» в историко-научном контексте. По мнению одних ее участников, утверждение В.К. Яцунского о генезисе экономической истории за пределами исторической науки автоматически выводило обсуждаемые вопросы за пределы проблемного поля историографии как истории исторической науки. Для корректной постановки проблем зарождения экономической истории как науки в «порядке историографического исследования» их надлежало формулировать «уже, конкретнее и определеннее»¹².

Другие, напротив, настаивали на необходимости расширения рамок анализа, перехода от изучения «истории книг» к исследованию «истории идей». Проблемы экономической историографии надлежало рассматривать в кругу истории развития экономических наук, занимаясь поиском проблесков теоретической обобщающей мысли, концепций, проследить связь отдельных, частных исследований в области экономической истории с общим развитием экономической науки, с изменениями ее теоретических и методологических оснований¹³.

Компромиссом выглядела (и, заметим, была реализована в историографической практике) позиция третьих, усмотревших основную проблему экономической историографии в изучении подходов к экономическому обоснованию исторического процесса в целом, начиная от «экономического направления» буржуазной исторической науки, вульгарного материализма и

завершая «научным решением проблемы» классиками марксизма-ленинизма¹⁴.

Дискуссия в ходе обсуждения доклада продемонстрировала очевидные колебания представителей исторического цеха в деле включения «экономической историографии» или «истории научной дисциплины, посвященной истории экономических отношений» в круг проблем исторической науки. Колебания, объясняемые нежеланием историков нарушать «конвенцию», вторгаясь в «епархию» экономистов, в изучение истории экономических идей. Сопровождавшийся регулярными «реверансами» в адрес «теоретической экономической мысли» и «методологических и теоретических оснований экономической науки», в союзе с которыми должно идти изучение прошлого экономической истории, вывод прозвучал в выступлении Н.М. Дружинина: «Конечно, в известной мере, это, все-таки, история»¹⁵.

Если доклад на заседании историографической комиссии был сделан В.К. Яцунским преимущественно на материалах западной историографии, то впоследствии вектор историко-научных интересов ученого переместился к достижениям в области экономической истории отечественных исследователей. В подготавливаемой в начале 1950-х гг. для «Исторических записок» статье «Возникновение экономической историографии в России», В.К. Яцунский охарактеризовал экономическую историографию как малоизученный участок истории отечественной науки: «Историки исторической науки, сосредоточив свое внимание на отдельных историках и на ведущих течениях исторической мысли в России, вообще уделяли мало внимания историческому рассмотрению проблематики исторических исследований и в частности изучением истории экономической историографии совсем не занимались»¹⁶.

В.К. Яцунский не просто констатировал факт отсутствия специальных работ по истории экономической историографии России, написанных историками, но подверг критике общие историографические работы, авторы которых стали заложниками схемы — «направлений» и «течений» развития исторической науки, «встраивая» или «вычлняя» из нее целые отрасли исторического знания. Объектом критики ученого стала в статье «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна, в которой,

на его взгляд, зарождение экономической историографии неоправданно отнесено к 60–80-м гг. XIX в., а, главное, — представлено как процесс выделения экономической истории в качестве специальной исторической дисциплины из недр «общей историографии»¹⁷.

Рецензенты дали по существу отрицательные отзывы на эту статью (которая, очевидно, по этой причине так и не была опубликована). Они подвергли, думается, справедливой критике «обзорно-библиографический» способ подачи автором материала. Однако совершенно безосновательно упрекали его за отсутствие попыток «вскрыть различные направления ... литературы и борьбу этих направлений», «наметить различные течения, классовый подход к изучению экономических явлений»¹⁸, встроить в уже привычные схемы, т.е. как раз за то, от чего пытался отказаться историограф в своем анализе историко-экономических работ.

В известной мере В.К. Яцунскому удалось реализовать задуманное в первом томе «Очерков истории исторической науки в СССР», для которого ученый написал параграф «Изучение экономической истории»¹⁹. Историк повторяет основной вывод своего доклада на заседании историографической комиссии о возникновении экономической историографии вне рамок общей историографии, подчеркивая, в данном случае, что это не было «специфически русским явлением». «Авторы большинства историко-экономических работ не были историками. Они были экономистами или администраторами, в большинстве случаев связанными по своей практической работе на государственной службе с правительственной политикой по отношению к той или иной отрасли народного хозяйства. Нередко прошлое данной отрасли народного хозяйства их интересовало в непосредственной связи с мероприятиями текущей экономической политики»²⁰.

Давая характеристику отечественной историко-экономической литературе конца XVIII–начала XIX вв., указывая на привлекаемые авторами работ для целей анализа источники, он группирует исследования по их проблематике: история промышленности, торговли, сельского хозяйства, денежного обращения и государственных финансов. Однако, не столько следуя за «отраслевым характером» историко-экономической литературы этого периода, сколько стремясь перенести акценты исто-

риографического анализа с изучения «отдельных историков» и «ведущих течений исторической мысли» на «историческое рассмотрение проблематики исторических исследований»²¹.

Особого упоминания заслуживает тот факт, что рассматриваемый параграф завершал главу, посвященную источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам. «Узкий» и «конкретный» взгляд на экономическую историографию фактически вынес экономическую историю на периферию исторической науки, поставил ее в один ряд с дисциплинами, изучающими отдельные исторические процессы и явления и поставляющими результаты своих исследований исторической науке для нужд более широких обобщений.

Перефразируя высказывание самого Яцунского о месте исторической географии в системе исторического знания, можно сказать, что экономическая история, даже превратившись в самостоятельную отрасль исторической науки, не теряет своего значения в качестве вспомогательной (специальной) исторической дисциплины²². Такой парафраз оправдан тем, что он сам в работе, посвященной истории возникновения и развития исторической географии, проводит параллель с возникновением и развитием экономической истории. Привлекая с ее помощью внимание к малоизученному наукой феномену расширения содержания исторического знания, что «было делом рук не историков, а представителей соответствующих специальностей»²³.

Подобная «периферийность», однако, могла бы способствовать самоопределению этой отрасли знания, обретению ею предмета, собственных методов и содержания, а также активному привлечению для целей исторических изучений достижений экономической науки. Историк неоднократно настаивал на необходимости получения историками специальных экономических знаний, которые позволили бы разобраться в специфических областях исторической информации, демонстрировал открывающиеся на этом пути возможности на примере творчества ведущих экономистов-историков, которые благодаря специальным знаниям сумели «прочсть» в источниках то, что ускользало от историков, ратовал за включение экономической истории в учебные программы исторических факультетов в качестве специального курса²⁴.

Последующие тома «Очерков истории исторической науки в СССР», однако, вовсе не содержали параграфов, посвященных экономической историографии. Однако не в силу изменившегося к ней отношения. В книгах, освещающих ход развития исторической науки в XIX и XX вв., в период зарождения и торжества марксистской историографии, было бы непростительной оплошностью отвести экономической истории место на периферии историографического процесса. Восторжествовала точка зрения тех, кто усматривал основную проблему экономической историографии в изучении подходов к экономическому обоснованию исторического процесса в целом, а точнее одного — марксистско-ленинского. Тем более что авторский коллектив этих томов возглавила М.В. Нечкина — ярый ее апологет, считавшая главной задачей исторической науки анализ влияния экономики на политику, право, идеологию, и еще в ранних своих историографических трудах выносившая экономическую историю за пределы исторической науки.

В.К. Яцунский, характеризуя состояние отечественной экономической историографии, отметил крайне недостаточное внимание к ней со стороны экономистов: «Историки русской экономической мысли интересовались развитием в России экономической теории и оставляли совершенно вне поля зрения развитие историко-экономических исследований»²⁵. Справедливость этого замечания подтвердили увидевшие свет практически одновременно с «Очерками истории исторической науки...» первые книги фундаментальной «Истории русской экономической мысли», на страницах которой не нашло отражение развитие историко-экономических исследований.

Лишь конец 1950–начало 1960-х гг. были отмечены обращением к проблемам экономической историографии экономистов. Появляются статьи С.И. Крандиевского²⁶, а затем и его монография «Очерки по историографии экономической истории (XVII–XIX вв.)»²⁷.

На фоне поисков «коренного различия» между буржуазной и марксистско-ленинской экономической историей С.И. Крандиевский касается многих важных проблем, как самой науки, так и подходов к изучению ее прошлого. В книге, а также в своей более поздней статье, уже прямо озаглавленной «Проблемы эко-

номической историографии»²⁸, он, не отрицая факта формирования экономической истории как отрасли исторического знания, последовательно отстаивает мысль об экономической истории как самостоятельной экономической науке. «И в недалеком прошлом, и в наши дни экономическая история — не только отрасль, но и самостоятельная наука, имеющая свой предмет и специфическое содержание»²⁹.

Соответственно, под экономической историографией ученый понимает субдисциплину экономической истории — «самую историю этой науки, начиная с первых работ, посвященных этим вопросам и кончая современным ее состоянием»³⁰, особо подчеркивая связь ее не только с борьбой различных школ и направлений в исторической науке, но и с развитием науки экономической, политической экономии. «По-видимому, здесь следует идти тем же путем, каким пользуются советские исследователи, изучающие историю политической экономии: уделяя центральное внимание зарождению и развитию марксистско-ленинского экономического учения, они предварительно и довольно подробно рассматривают домарксовский период в истории экономической мысли, затем критически анализируют буржуазные экономические теории эпохи империализма и общего кризиса капитализма»³¹.

Впрочем, применительно к структуре, да и содержанию монографии можно с полным основанием говорить об унификации (в смысле установления единого образца и устранения разнообразия) поля историко-научного знания. Причем унификации на основе историографических принципов исторической науки, на что недвусмысленно указывает введенное им в оборот понятие «экономическая историография», нивелирующее различия между «историко-экономическим направлением в историографии» и «историко-экономическим направлением в экономической мысли». Не случайно, перечисление круга вопросов, которые должны решаться в историко-научном исследовании (характеристика главных школ науки и ее направлений; установление связи изменений в развитии науки с переменами в социально-экономической и идейной жизни общества, с характером классовой борьбы; критическая оценка научной продукции, т.е. демонстрация классовой сущности исторических концепций, используемых ее авторами и т.д.) венчает вывод автора о само собой разумеющейся-

ся необходимости отнесения требований, предъявляемых к общей историографии, и к историографии экономической³².

Работа в известном смысле учла претензии, прозвучавшие ранее в адрес работ В.К. Яцунского как сторонника тематической историографии или историографии проблемы. Автор проследил возникновение и развитие историко-экономической литературы в докапиталистический период, в период победы и утверждения капитализма, особо выделив главу, посвященную экономической истории в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, в период домонополистического капитализма, последовательно реализовал классовый подход к изучению прошлого историко-экономической науки.

Любопытен, однако, пассаж из единственной рецензии, появившейся в печати после выхода книги в свет. Рецензент увидел главное достоинство монографии в том, что она «поможет как советскому, так и зарубежному читателю найти необходимую историко-экономическую литературу»³³. Уместная более в рецензии на библиографическое пособие оценка указывала на болевую точку большинства подобных работ, содержащих преимущественно библиографическую, нежели историографическую информацию. Впрочем, автор и сам ставил перед собой задачу дать «обзор главнейших историко-экономических работ», не загромождая работу излишними деталями и подробностями, за которыми «трудно было бы уловить основные тенденции и закономерности в развитии историко-экономической науки», лишило бы работу «четкой прямолинейности и целеустремленности»³⁴.

Примечательно при этом, что исследователь усматривал порочность подходов к изучению истории науки, используемых буржуазными историками-экономистами, не только в игнорировании ими «марксистского метода материалистической диалектики», но и в стремлении ограничить свои сочинения именно библиографическим обзором, перечнем историко-экономических произведений. Задача же историографического изучения, на его взгляд, — «систематизировать эту литературу по принципу принадлежности авторов к определенным школам и направлениям»³⁵, а точнее — «встроить» такой библиографический обзор в априорно выработанную схему марксистско-ленинской историографии.

Схема же эта в случае с экономической историей практически не оставляла исследователю выбора, навязывая экономический редукционизм официального марксизма и кумулятивный путь развития научной рациональности. Основная проблема экономической историографии виделась исключительно в изучении «научного», т.е. марксистско-ленинского подхода к экономическому обоснованию исторического процесса, и критике буржуазного «экономизма». «Характерные черты этого “экономизма” — выхолащивание революционной сущности марксизма, игнорирование классовой борьбы и роли народных масс в истории, взгляд на экономику как обычный составной элемент общественной жизни наряду с такими равноправными элементами, как право, религия, государство, общественная идеология и т.д.»³⁶.

Расширительная трактовка проблем экономической историографии, включение в поле зрения исследователя вопросов философии истории, и, прежде всего, теории исторического развития, устанавливающей, в том числе, движущие силы исторического процесса, обусловили расширение рамок исследования, привлечение к анализу дополнительного историографического материала. От заявленного автором намерения рассматривать вопросы экономической историографии в кругу проблем экономической науки мало что оставлял и прозвучавший уже в первых строках работы вывод о «стыковом», междисциплинарном характере науки, выделившейся в самостоятельную область знания из родственных дисциплин — общей истории и политической экономии. А раз так, то несущей на себе их родовые черты и философские основания. Как результат, историограф не только не проводит, но и не оговаривает возможных различий в подходах историков и экономистов к познанию прошлого экономики, объединяя последних в общую группу «представителей экономической истории», усматривая различия лишь в проблематике их исследований³⁷.

Оживление интереса со стороны экономистов к проблемам экономической истории как науки, содержательно-предметных ее оснований³⁸, появление учебников и учебных пособий по дисциплине в 1960-е гг., не сопровождались, однако, историко-научными разысканиями. «Мы еще не создали историографических трудов по экономической истории... В историко-экономических

пособиях обычно нет историографических экскурсов. Мы не созываем научных конференций..., где могли бы заслушиваться и полемические доклады историографического характера»³⁹, — вынужден констатировать участник совещания по проблемам экономической истории 1965 г.

Впрочем, обращение к прошлому своей науки рассматривалось вовсе не как фактор ее развития; с отсутствием историографических работ связывалось исключительно только ослабление критики все того же буржуазного «экономизма». Именно такой «разоблачительный» характер носили редкие историографические экскурсы в учебных изданиях, помещавшиеся в разделах «История народного хозяйства — классовая, партийная наука» или «Критика реакционной сущности основных направлений буржуазной историко-экономической науки»⁴⁰. Именно с этих позиций приходится воспринимать и небезынтересную в целом попытку взглянуть на историю науки как историю создаваемых и развиваемых ею понятий, сведшуюся, в конечном итоге, к выводу о приоритете К. Маркса в выработке и введении в научный оборот термина «экономическая история», далеко не однозначного терминам, утвердившимся в буржуазной историко-экономической науке⁴¹.

В последующие годы экономисты, во-первых, продолжали отстаивать обусловленные наличием специфики анализа экономической литературы права экономистов заниматься историей своей науки, и, во-вторых, расширяли плацдарм исследований, включая в их орбиту новые периоды развития науки, новые имена и историко-экономические сочинения. О возникновении новой отрасли уже не только в целом экономического, но непосредственно историко-экономического знания — историографии экономической истории, занятой изучением истории экономической истории, писал, например, Р.М. Гусейнов, анализируя экономическую литературу по истории советского хозяйства 1917–1937 гг.⁴²

В последнее десятилетие минувшего столетия главы, посвященные развитию историко-экономических исследований, были включены в состав фундаментальной «Всемирной истории экономической мысли». И первая же из них, подготовленная для этого издания, М.М. Солодкиной, в известной мере порывает с

традицией подменять историографический анализ обзором историко-экономической литературы, призванным охарактеризовать состояние науки соответствующего периода. В тексте мы находим указания на «внешние» и «внутренние» факторы развития науки, формирование национальных школ, процессы институционализации, развитие представлений о предмете науки и ее категориального аппарата, оценку роли и функций дисциплины в системе экономических наук, наиболее актуальные научные проблемы, решаемые ею⁴³, т.е. все элементы историографии экономической истории как науки.

Такое исключение, лишь подтверждающее правило, можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, особенностью научно-биографической траектории исследователя — занятиями автора теоретико-методологическими проблемами этой науки, поиском причин кризисного ее состояния на исходе советской эпохи⁴⁴. Во-вторых, обращением к периоду «строительства» новой дисциплины, а не ее «предыстории» или периоду «нормального» состояния. И, наконец, в-третьих, что более важно, преимущественным вниманием к истории зарубежной историко-экономической науки, которая, хотя и не была безоблачной, демонстрирует, тем не менее, логику процесса оформления экономической истории в самостоятельную отрасль экономического знания.

К сожалению, почин М.М. Солодкиной не был поддержан, и аналогичные главы в последующих томах издания демонстрируют все тот же традиционный историографический подход «обзорно-библиографического» движения вспять по научным результатам, в основу которого положена группировка материала в соответствии с историческими периодами (античность, средневековье, новое и новейшее время и т.д.)⁴⁵. В силу чего в орбиту исследования попали преимущественно работы историков. Впрочем, даже отказ от включения последних в обзор мало повлиял на способ анализа историографического материала или хотя бы его подачи. На смену марксистской историографической схеме пришла группировка работ в соответствии с марксистской же периодизацией экономической истории. Лишь мимоходом перечисляются основные центры, занятые разработкой историко-экономической проблематики, называются специальные историко-экономические издания, выход которых в свет способс-

твовал активизации научных исследований. Крайне бегло, автор касается вопросов теории и методологии историко-экономических исследований — предмета науки, используемых ею методов и подходов, проблемы периодизации⁴⁶.

Начало нового тысячелетия в развитии отечественной экономической историографии примечательно лишь фактом ее идеологизации. Отмена идеологической цензуры и исчезновение прежних «фигур умолчания» хотя и расширили горизонты историографических исследований, не сопровождались обращением к новой историко-научной методологии.

Наглядным примером тому может служить попытка историографической идентификации целого историко-экономического направления, предпринятая историками как исторической, так и экономической науки. Однако, если историки рассматривают так называемое «новое направление» в контексте развития исторической науки в постсталинский период, с точки зрения небезынтересных поисков «на гранях» марксистской исторической парадигмы (или напротив, разыскания новых цитат в марксистско-ленинском наследии, призванных лишь «внешне» обновить науку), то историки экономической науки вновь «встраивают» направление в не столько лишенную, сколько поменявшую идеологическую окраску схему истории экономической мысли. «Новое экономическое направление» идентифицируется ими как часть экономической науки, своеобразное «подполье» экономической теории тех лет, а профессиональные историки, входившие в него, объявляются «школой российского институционализма»⁴⁷. При этом полностью игнорируется, если не логика развития экономической истории как самостоятельной научной дисциплины, то уж во всяком случае, движение эмпирических исследований представителей данного направления.

Примечателен и механизм такой идентификации — модернизация прошлого науки, в частности, придание устаревшему, а иногда и эзопову, языку сочинений тех лет современного «институционального» звучания. По мнению таких историков науки, для обозначения большинства понятий, используемых представителями «нового направления», просто «напрашивается использование термина “институт” в современном его понимании». Переосмыслить прошлое науки в терминах сегодняшнего

дня тем более актуально, считают они, что сделать последний шаг на пути выработки адекватной методологии и соответствующего категориального аппарата самой «школе российского институционализма» помешало «жесткое массовое противодействие апологетов классовой борьбы»⁴⁸.

Приверженность традиционной историографической культуре (коей присущи достаточно жестко заданные границы познания предметной области историко-экономической науки), демонстрируют и немногочисленные работы, созданные в жанре интеллектуальных биографий и посвященные видным ее представителям⁴⁹. Нацеленность на выявление из текстов источников объективных сведений о зарождении и последующем развитии авторских подходов и принципов исследования прошлого экономики, используемых методов и т.д. чаще всего лишь декларируется. На деле их авторы остаются заложниками сложившихся историографических схем, исходят (или, напротив, нацелены) из принадлежности историка-экономиста к той или иной школе или направлению экономической науки.

Автор исследования о Б.Д. Бруцкусе как историке народного хозяйства России Н.Л. Рогалина, заявляя в предисловии к книге об отсутствии различий в объектах изучения «истории мысли» и «истории хозяйства», рассматривает исследовательские методы своего героя сквозь призму его принадлежности к либеральному направлению экономической мысли. При этом, акцентируя внимание не столько на экономико-теоретических, сколько на мировоззренческих установках последнего⁵⁰.

С.М. Виноградов — автор работ о И.М. Кулишере⁵¹, И.И. Иванюкове⁵², М.М. Ковалевском⁵³ — напрямую увязывает «историко-экономические воззрения» своих героев с принадлежностью к «исторической школе в политической экономии» и шире — к «русской школе экономической истории» (в силу вхождения в последнюю не только экономистов-историков, но и историков-экономистов). Исходный пункт анализа поэтому — присущие этим ответвлениям научной истории общие философско-методологические установки.

Не вызывающий возражений вывод учебника истории экономической мысли об успешном сочетании М.И. Туган-Барановским в своем творчестве экономико-теоретических и исто-

рико-экономических исследований, интерпретируется автором работы, посвященной анализу последних, как «методологический синтез концепций маржинализма, марксизма и немецкой исторической школы», с точки зрения которого он и подходит к разбору «Русской фабрики»⁵⁴.

Примечательно, при этом, что изучение «историко-экономических воззрений», «исследовательских методов и научного менталитета», «теории, методики и практик историко-экономического анализа» (здесь приведены названия соответствующих разделов их работ) своих героев перечисленными авторами фактически выносятся за скобки «собственно историографии». Под последней же понимается описание вклада того или иного автора в разработку конкретных историко-экономических проблем: периодов хозяйственной истории, прошлого отдельных отраслей экономики, институтов и т.д.

Предпринятый нами обзор более чем полувекового процесса формирования и развития области исследования экономической историографии в нашей стране позволяет извлечь ряд методологических уроков, а также наметить основные пути преодоления сложившихся в ней негативных тенденций.

И первая из таких тенденций уже была охарактеризована нами как регулярное расширение границ историографии, понимаемой не иначе как история исторического познания в самом широком смысле слова, и сливающейся в этом качестве с философией истории. Уточним, марксистской философией истории, предметом которой является создание общей теории всемирно-исторического процесса, и которая существует относительно самостоятельно от исторической науки и науки экономической (в марксистском ее варианте имевшей статус исторической дисциплины).

«Исторический детерминизм» в его ультраревOLUTIONном, а затем и догматическом варианте, представляющий собой своеобразный симбиоз «материалистического историзма» с историзмом «классическим» и позитивизмом (официально осуждавшимся, но принесшим с собой значительный элемент научной «респектабельности», а также — присущий ему социальный и когнитивный «кумулятивизм»⁵⁵), был востребован, прежде всего, с точки зрения его «практических приложений», возможнос-

ти установления каузальных связей между «экономикой», с одной стороны, и политикой, правом, идеологией — с другой.

«Научный» анализ экономического строя общества под углом зрения «исторического детерминизма» с неизбежностью превращал экономическую интерпретацию истории в социологическую концепцию, теорию классово-борьбы. А экономическую историю — в обслуживающую ее нужды вспомогательную дисциплину. Экономическая история против ожидания оказалась не конечной, а промежуточной «станцией» на пути движения отечественной исторической науки после революции, поскольку стала поначалу подменяться рабочей историей, историей рабочего движения, а в конечном итоге — историей идеологии этого движения, историей рабочей организации, партии. Однако в системе координат такого «механического детерминизма» не совсем точным будет даже утверждение о том, что экономическое направление в историографии оказалось на периферии советской исторической науки. Напротив, все направления исторической науки могут быть названы «экономическими», притом, что сама экономическая история полагалась скорее как тенденция, нежели самостоятельное направление исторической науки, если вовсе не изгонялась за ее пределы.

Подобный подход наглядно иллюстрирует одна из первых попыток «навести порядок» в историографическом хозяйстве, предпринятая еще на заре советской эпохи М.В. Нечкиной. Значительное число исследований, выполненных как экономистами, так и историками, были объявлены ею персоной *non grata* и выдворены за пределы исторической науки в самом широком ее смысле, притом, что их авторы объявлялись не только приверженцами, но в ряде случаев и видными теоретиками «экономического материализма». На взгляд историографа, они оказались никудышными «прилагателями» этой теории к конкретному историческому материалу, ибо совершенно не задавались «вопросом проследить влияние экономики на политику, право, моральные воззрения эпохи»⁵⁶. Уделом «неисторических» в этом смысле работ Вл. Ильина (В.И. Ленина), П.Б. Струве и Н.А. Рожкова становился экономический департамент науки (еще не обретшей статуса исторической) и такая его отрасль как экономическая история⁵⁷.

О том что ситуация мало изменилась и на исходе минувшего столетия ярко свидетельствует интересная по замыслу, но в целом безуспешная попытка использования для целей историографического исследования библиометрического анализа. Полагая, что библиографические указатели научных публикаций представляют интересный источник, характеризующий состояние какой-либо отрасли науки и проблемно-тематическую структуру ведущихся в ее рамках исследований, ее автор, однако, был вынужден фактически признать непригодность для этих целей указателя «Экономическая история», охватившего более 30 тыс. работ, опубликованных в стране с 1960 по 1989 г. Основная причина крылась в том, что «далеко не все публикации, содержащиеся в указателях, могут быть действительно отнесены к историко-экономическим исследованиям. Среди литературы, посвященной проблемам новейшего времени, — а на ее долю приходится свыше 2/3 публикаций, как по отечественной, так и по зарубежной экономической истории, — значительное место занимают политологические и социологические работы, а также чисто экономические, экономико-географические, демографические. Разделы, посвященные отечественной истории новейшего времени, насыщены публикациями по “историко-партийной” тематике. Но многие из них фактически не содержат исторического анализа»⁵⁸.

В области экономической историографии, следовательно, необходимо отличать «философские амбиции» концепции материалистической интерпретации истории и научные амбиции многочисленных ее «социолого-политологических приложений», уводящие в сторону от практики историко-экономических исследований, от тенденций, присущих самой исторической науке, включая акцентирование экономической обусловленности исторического процесса на определенном этапе ее развития.

Пример подобного подхода демонстрирует «История экономического анализа» Й.А. Шумпетера, до сегодняшнего дня способная служить образцом аналитического подхода, исключаяющего столь характерное для отечественной истории экономической науки мифотворчество вокруг марксистской философии истории как методологической предпосылки экономической историографии. Обращение к фундаментальной работе амери-

канского ученого обусловлено не одной только ее актуальностью для отечественного сообщества историков экономической мысли, осваивающего новые «предметные поля» своей науки. «История» Шумпетера — в силу ее «всеохватности» — стала с середины XX столетия своеобразным пробным камнем для «всех новых исследователей в данной области»⁵⁹.

«Философский детерминизм» как совокупность взглядов, философских воззрений марксистов, связанных с поддержкой идеи экономической интерпретации истории, на взгляд австро-американского историка экономической науки, не имеет ничего общего с «методологическим детерминизмом» как логически необходимым содержанием гипотезы, выдвинутой К. Марксом. Если для последнего экономическая интерпретация истории «была в большей степени программой исследования, чем научным достижением, которое должно быть оценено само по себе»⁶⁰, то для марксистов — взгляд «с гегельянских высот, откуда взирал на все Маркс, действие и рассуждение, реальность и мысль становятся тождественными; на этом уровне анализ нельзя отделить от практики»⁶¹.

Уделяя в своем исследовании немалое внимание этой гипотезе, и даже называя ее «мощным аналитическим достижением», Й.А. Шумпетер, тем не менее, полагал, что позитивная разработка содержащихся в ней проблем способна увести исследователя за пределы собственно историко-научных изучений в области экономической науки в целом и экономической истории в частности. «Надеюсь, я достаточно ясно показал, что важны не общие “теории истории”, т.е. обстоятельные гипотезы о движущих силах (если таковые имеются) исторического процесса, из которых (теорий) так называемая материалистическая интерпретация истории ... добилась наибольшего успеха. Намного важнее в долгосрочном периоде были усилия, направленные на разрешение более узких проблем»⁶². Таких как постепенное овладение исторической наукой «экономическим полем», совершенствование методов исследования, акцентирование количественных аспектов, и даже заключение ею альянса, но не с марксистской исторической социологией, а с экономической наукой своего времени, т.е. проблем, относящихся к области фактической методологии.

«Ложными» или «затушевывающими истинный смысл филиации научных идей» называл Шумпетер объяснения эволюции экономической науки, придающие излишнее значение философским ее предпосылкам. В таком подходе можно увидеть предтечу установки на изучение фактической методологии экономических исследований на основе описания и интерпретации их практик в ходе историко-научных изучений, установки, не допускающей в качестве предпосылок доводы «извне» дисциплины. Фактическая методология, будучи осмыслением практики историописания рефлексивна и аналитична, тогда как нормативная методология (и в частности, спекулятивная философия истории) стремится дать науке произвольные основы, в силу чего не может считаться обоснованной.

Поэтому, вряд ли можно согласиться с непрекращающимися в отечественной историко-экономической литературе попытками не только «опираясь на имеющиеся в области философии истории знания ... отобрать те из них, которые могут дать наиболее успешный результат в исследовательской деятельности ... историков-экономистов»⁶³, но отталкиваясь все от тех же умозрительных философских предпосылок, обращаться к прошлому историко-экономической науки, трактовать, например, проблему множественности школ экономической истории⁶⁴. Даже если при этом марксистской философии истории отводится роль поставщика не «единственно научного», а лишь одного из многих подходов к изучению экономической истории⁶⁵.

Преодоление стереотипов, оставшихся в наследство от господствовавшей прежде методологии не должно ограничиваться критикой «экономического детерминизма» как гипертрофирующего «классовый подход» или игнорирующего «духовную сферу». В рамках историко-научного исследования он должен рассматриваться в качестве сугубо фиктивной конструкции, блокирующей научную (дисциплинарную) рефлексивность, и, как показывает историографическая практика, крайне удобной для целей едва ли не «религиозного» поклонения и борьбы с научным инакомыслием. Допущение в качестве предпосылок доводов «извне» дисциплины и привело во многом к тем «ошибкам» и «заблуждениям», в результате которых она «выбрала» неверную траекторию своего развития, зафиксированную и отраженную историографией.

Не менее очевидной, чем расширение границ экономической историографии за счет включения в анализ философско-методологических предпосылок и их социолого-политологических «приложений», тенденцией развития экономической историографии стало игнорирование различий в подходах историков и экономистов к познанию прошлого экономики, не говоря уже о фактах невнимания к институциональному закреплению таких различий. Различий, впрочем, действительно практически неуловимых в отечественной науке, если рассматривать историко-экономическое знание под углом зрения, задававшимся отнесением политической экономии к числу исторических наук и господством в обоих подразделах исторического знания марксистской теории исторического развития.

Унификация, в данном случае порождаемая претензией последней на создание «глобальной» или «тотальной» истории, будь то с точки зрения объекта исследования, или универсальной исторической «отмычки»-метода к его познанию, не просто не замечает уже осуществившегося и институционально оформившегося раздела социального знания на отдельные науки — «историю» и «экономику», и продолжающегося процесса их дисциплинарной фрагментации, но может рассматриваться как безуспешная попытка противостоять объективной тенденции в развитии этих частных наук.

«Дифференциация наук, — отмечает А.Л. Никифоров, — представляет собой универсальную тенденцию или даже закономерность развития научного познания. Попытки интеграции, синтеза, редукции если и приводят к успеху, то лишь в отдельных научных областях и на короткое время. Последующее развитие приносит с собой новую, более глубокую и тонкую дифференциацию. Дифференциация выражает движение (здесь и далее в цитате курсив автора. — Д. М.) науки, поэтому она универсальна и абсолютна как само движение; интеграция, синтез — временная остановка, приведение в порядок и обзор интеллектуальных сил, наступавших по разным направлениям. Устранение или остановка дифференциации означает устранение или стагнацию самой науки. Единство человеческого познания в разные эпохи обеспечивалось мифом, религией или философией. Это единство никогда не было единством науки»⁶⁶.

Безуспешность попыток противостоять процессам дисциплинарной фрагментации лишь подчеркивается последующими, выработавшимися с завидной регулярностью, «видениями исторического синтеза», к производству которых с энтузиазмом подключились и отечественные историки в постсоветский период. Как небезосновательно отмечает современный специалист в области исторической эпистемологии А. Мегилл, «вера в то, что синтез — это достоинство, а фрагментация — недостаток, глубоко укоренилась в культуре академических историков... Давайте, однако, быть начеку: все призывы к синтезу — это попытки навязать интерпретацию»⁶⁷. В том числе, добавим, и историографическую интерпретацию, когда становление экономической истории, основные векторы развития или состояние на том или ином его этапе оцениваются исходя из принятого тем или иным автором видения «исторического синтеза», будь то простая декларация о «стыковом» характере дисциплины или вывод о ее «мультидисциплинарности».

Фрагментация дисциплин, как и появление на их пересечениях новых форм научной жизни, хотя и не возводит между ними непреодолимых преград⁶⁸, ведет к утрате единства между ними на методологическом уровне. Что обязывает исследователя следовать исключительно методам своей дисциплины и избрать в качестве первоочередного шага историографического анализа обращение к истокам проблемы, к состоянию первоначального, «додисциплинарного» синтеза, то есть к исходному пункту в становлении дисциплинарной организации экономической истории как результата дифференциации экономического знания.

В поисках образца подобного подхода вновь обратимся к исследованию Й. Шумпетера, который рассматривал прошлое историко-экономического знания исходя из раздельного развития «истории» и «экономики», а отнюдь не унитарного видения эволюции этих наук. Если экономическая история для него — фундаментальная область экономической науки, то «общая историография» — неотъемлемая часть «интеллектуального ландшафта». Науки, его представляющие, рассматриваются исследователем в их «параллельном развитии» с позиции того влияния, что они оказали или оказывают на экономическую на-

уку, наличия с нею пограничных зон или предоставления в ее распоряжение «специальных методов знания»⁶⁹.

Столкнувшись с отсутствием в реальности демаркационной линии между «историческими экономистами» и «экономическими историками», и признавая важность учета вклада последних (т.е. историков) в развитие историко-экономического знания, он, тем не менее, счел возможным и необходимым оставить «историческую литературу» за рамками своего исследования. Его вывод о необходимости «провести черту» в соответствии с дисциплинарной принадлежностью авторов историко-экономических работ напрямую вытекал из факта профессионального самоопределения «экономических историков» к начальному моменту погружения в океан исторических фактов экономистов. Появление из-под пера последних исторических монографий, ставших показателем начавшейся в рамках экономической науки специализации, породило скорее противостояние с исторической наукой, нежели тенденцию к интеграции, синтезу с нею⁷⁰.

И, наконец, заслуживает быть упомянутым тот факт, что в результате более чем полувековой эволюции экономическая историография осталась частью самой историко-экономической науки, в силу чего ей и присущ преимущественно «обзорно-библиографический» характер обобщения накопленного научного потенциала, его осмысления и оценки с точки зрения современного ее состояния. Проблемы экономической историографии так на деле и не стали рассматриваться в кругу проблем истории экономической науки, в рамках которой не произошло становления особого исследовательского направления, имеющего своим предметом саму экономическую историографию — истории экономической истории как науки, своеобразной «профессиональной» истории этой научной дисциплины. Направления, формулирующего и решающего собственные исследовательские задачи, не связанные с решением исключительно внутринаучных проблем. Освещающего разнообразные аспекты складывания экономической истории как дисциплины, процессы профессионализации и институционализации этой отрасли знания и т.д.

Создаваемая в рамках самой дисциплины «упрощенная» историография, в своем стремлении восстановить траекторию развития научной области сглаживает острые углы последней,

задает линейность процесса истории дисциплины. Востребованная образованием (и допустимая там), но явно недостаточная с позиций науки, такая схема в изложении, преимущественно склонных к «синтезу» историков, способна поместить на одной линии меркантилистов, экономистов-классиков и приверженцев исторической школы как использовавших историко-экономические факты для обоснования своих теоретических построений, а также исследователей-историков, прибегавших к количественным методам их анализа сначала на микро-, а затем и макро- уровнях.

Набросанная широкими мазками подобная историография не только легко преодолевает национальные границы, но и весьма «вольно» обходится с границами дисциплинарными. Наглядным примером тому могут служить историографические построения Ю.П. Бокарева. Отталкиваясь от верной посылки о необходимости «осознавать институциональные различия» в изучении экономической истории, следующим шагом своего анализа исследователь фактически «отсекает» от него пришедшую в упадок «историю народного хозяйства» как область экономической науки, низводит роль различных школ последней к поставке в распоряжение исторической науки идей и теорий. Беглый и поверхностный обзор таковых в нашей стране в начале минувшего века⁷¹ приводит к выводу об отсутствии «хорошей» теории, из-за чего «экономическая история быстро политизируется, становится частью официальной идеологии»⁷². Вслед за чем анализ фактически покидает дисциплинарное поле экономической истории, сосредоточившись на проблемах социальной истории «общей историографии».

Экономисты, не склонные передавать изучение прошлого в ведение исключительно исторической науки, вносят свою лепту в построение линии дисциплинарной истории попытками, если не переписать историю с позиций «победителей», научная практика которых стала доминирующей в данной области знания, то подправить «историческую траекторию» с учетом того вклада, который эта практика внесла в дело получения «более точных количественных оценок исторических фактов и пересмотра многих ключевых проблем историографии»⁷³. В отечественной историографической практике эта тенденция по вполне понятным

причинам отчетливо просматривается в работах не экономистов, а историков-квантификаторов. Исходя из задач формирования «национальной школы экономической истории» последние резонно задумываются о том, какие отечественные традиции в области экономической истории зададут вектор ее будущего развития. Таковые, на их взгляд, закладывались советской школой «по применению количественных методов в исторических исследованиях» в 1970-е гг. Только осознание экономической истории неотъемлемой частью количественной истории позволит ей «самоорганизоваться» в будущем в качестве составной части мировой экономической истории⁷⁴.

Написание же «профессиональной» истории дисциплины требует принципиально «внешнего» взгляда на предмет историко-научного изучения, «сознательной “перпендикулярности” избранного угла зрения относительно внутривидовых дисциплинарно-историографических перспектив с их неизбежно партикулярной телеологией и упорядочивающей переакцентировкой прошлого “своей” отрасли знания»⁷⁵.

Примером подобного «внешнего» взгляда на историю экономической истории может (хотя и отчасти, в силу своей незавершенности) вновь послужить исследование Й.А. Шумпетера — одно из немногих и в западной историографии, не ограничившееся изучением прошлого исключительно экономико-теоретического знания, признавшее экономическую историю частью экономической науки, а технику исторического исследования инструментарием экономического анализа.

В начальных главах своей книги Шумпетер не только отстаивает тезис о возможности изучения истории экономической науки как истории любой отрасли знания, но и знакомит читателя с программой изучения истории экономической науки с позиций «социологии науки» (в силу чего его имя может быть поставлено в один ряд с именами Р. Мертона и Т. Куна⁷⁶). Работа американского историка науки, предложившего, по мнению исследователя историко-научной компоненты его творчества М. Перлмана, одну из трех наиболее влиятельных интерпретаций истории экономической мысли, фактически закладывала основы того направления в науке, которое, в противоположность «истории экономической мысли» (History of Economic Thought),

носит ныне название «истории экономической науки» (History of Economics)⁷⁷.

Без учета этого факта вряд ли уместны выпады в его адрес со стороны некоторых современных отечественных исследователей за якобы тривиальное утверждение о существовании теоретических и исторических исследований экономики. И уж тем более — за отсутствие в работе не только постановки вопроса о «месте экономико-исторических исследований в общем здании экономической науки», но даже попытки задаться вопросами: «являются ли теоретические исследования самодостаточными для понимания экономики, какое место должны занимать и почему теоретический и исторический подходы так далеко разошлись?»⁷⁸.

Поставленная Шумпетером задача «объяснить экономическую науку в терминах динамической социологии знания»⁷⁹ предполагает изучение ситуаций социального производства знания как наведение мостов не между теорией и историей, а между внутренними и внешними контекстами этого процесса. Будучи, по сути, противником кумулятивной, прогрессистской теории знания, он подчеркивал, в этой связи: «Научный анализ — это не просто логически последовательный процесс, начинающийся с какой-то примитивной стадии и идущий по пути неуклонного прогресса. Это не поступательный процесс открытия новой объективной реальности... Процесс научного анализа напоминает, скорее, непрерывную борьбу с тем, что уже создано нами и нашими предшественниками. Его прогресс (насколько он существует) диктуется не логикой, а влиянием новых идей, наблюдений, потребностей и не в последнюю очередь особенностями характера новых исследователей. Поэтому любой трактат, претендующий на освещение “современного состояния науки”, в действительности излагает методы, проблемы и выводы, которые исторически обусловлены и имеют смысл только в контексте исторических условий их возникновения»⁸⁰.

Одна из причин того, что проблемы экономической историографии так и не стали рассматриваться в кругу проблем истории экономической науки, кроется в состоянии последней в нашей стране, уже не одно десятилетие существующей в качестве самостоятельной области исследования и выработавшей собс-

твенные методологические подходы историко-научного исследования. При этом, однако, по существу сводившейся к предьстории марксизма, с неизбежным акцентом на истории научных идей (экономико-теоретического знания) и преемственности в их развитии — прогрессивном, непрерывном и кумулятивном.

Перемены в сегодняшнем состоянии истории экономической науки возможны лишь в случае обращения к новой историко-научной методологии. Преодоления сложившихся в ней конвенциональных форм представления прошлого и расширения перспектив исторической реконструкции, которая сместит внимание исследователей от изучения преемственности в развитии идей к познанию каждой исследовательской программы, школы, экономического направления, дисциплины — в том числе и экономической истории — в контексте собственного времени, места и окружения.

Примечания

¹ См.: Паспорта специальностей ВАК (экономические науки). М., 2001. С. 4. Государственный стандарт высшего профессионального образования по направлению «Экономика» магистерской подготовки в рамках программы «Экономическая история и история экономической мысли» и вовсе присваивал «историко-экономической историографии» статус специальной научной и образовательной дисциплины. Отличая ее при этом от таких специальных дисциплин как «историография экономической мысли» и «экономическая история в классической русской историографии» (см.: Государственный стандарт высшего профессионального образования. Направление 521600 «Экономика». Степень — магистр экономики. М., 2000. С. 8).

² См.: Тарле Е.В. Чем объясняется современный интерес к экономической истории // Вестник и библиотека самообразования. 1903. № 17. С. 741; См. также: Тарле Е.В. Соч. Т. 1. М., 1957. С. 301.

³ См.: Кареев Н.И. Экономический материализм в истории // Вестник Европы. 1894. Т. 4. № 7. С. 10.

⁴ Архив РАН (АРАН). Ф. 1639, оп. 1, д. 120, л. 34.

⁵ Там же, л. 33.

⁶ Там же, л. 93.

⁷ Там же, л. 94.

⁸ См.: там же, л. 35.

⁹ См.: там же, л. 67. Параллель, проводимая В.К. Яцунским, может показаться некорректной. Тем более, что изучение истории литерату-

ры, искусства и права и по сей день осуществляется преимущественно литературоведами, искусствоведами и юристами, тогда как познание прошлого экономики стало вотчиной историков. Причину этого усматривают в том, что «специализация “по времени” возникает в рамках научного знания о социальной реальности. Другие виды знания философия, мораль, искусство, идеология и т.д. — хотя и конструируют не только нынешнюю, но и прошлую и будущую социальную реальность, но в основном делают это с помощью вневременных, атемпоральных категорий...» (Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: в 2-х т. СПб., 2003. Т. 1. С. 239). Сей факт, однако, не подрывает доверия к выводу историографа о возникновении историко-экономического знания за пределами исторической науки.

¹⁰ См.: АРАН. Ф. 1639, оп. 1, д. 127, лл. 49, 54.

¹¹ См.: там же, д. 120, л. 66.

¹² См.: там же, лл. 76-77.

¹³ См.: там же, лл. 80.

¹⁴ См.: там же, лл. 85-88.

¹⁵ Там же, л. 89.

¹⁶ Там же, л. 106.

¹⁷ См.: там же. «В этом расчленении исторической науки (на историю экономики, историю права, историю культуры. — Д. М.) были определенные условия для роста специальных знаний, для совершенствования научной техники, и в этом смысле, — отмечал в своей работе Н.Л. Рубинштейн, — историческая наука делает безусловно крупные успехи в своем развитии» (Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 349). Примечательно, что Н.Л. Рубинштейн возводит выделение экономической истории в русской историографии к «известной попытке раскрыть материалистический фактор в самом историческом процессе» силами представителей «исторической школы» в политической экономии, стоявшей у истоков экономической истории как самостоятельной отрасли исторической науки (!). И, как следствие, наряду с творцами экономической истории в нашей стране — историками, упоминает и экономистов — народников, вынося в специальный раздел своей работы «экономическую историю в народнической историографии».

¹⁸ АРАН. Ф. 1639, д. 665, лл. 1, 3.

¹⁹ См.: Очерки истории исторической науки. Т. 1. М., 1955. С. 578-597.

²⁰ Там же. С. 595.

²¹ АРАН. Ф. 1639, оп. 1, д. 120, л. 105. Современные историки исторической науки полагают, что появление «Очерков...» ознаменовало собой переход к «отраслевому принципу проблемной историографии» (см.: Корзун В.П., Колеватов Д.М. Социальный заказ и трансформация образа исторической науки в первое послевоенное десятилетие («На классиков, равняйся!») // Мир историка: историографический сборник / под ред.

Г.К. Садретдинова, В.П. Корзун. Омск, 2006. Вып. 2. С. 224). «Потеря» в процессе этого перехода, как это будет показано нами ниже, «экономической историографии», заставляет усомниться как в его (перехода) последовательности, так и в уместности именовать предшествующее состояние историографии «концептуальным осмыслением истории исторической науки». За «очерковым» же построением исследования мог скрываться не один только «социальный заказ» на «разрыв» преемственности в развитии отечественной исторической науки, но и методологические проблемы историографии.

²² См.: Яцунский В.К. Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV–XVIII веках. М., 1955. С. 11.

²³ Там же. С. 314.

²⁴ Заметим, что еще свою кандидатскую работу (1915) В.К. Яцунский посвятил «Вопросу о происхождении русской крестьянской общины в исторической литературе», т.е. фактически частному вопросу экономической историографии (АРАН, ф. 1639, оп. 1, д. 115, 116). Солидаризуясь с точкой зрения экономиста-историка А.А. Кауфмана и опираясь на его публикации, он выходит за пределы «данного частного случая» формулируя «очень жгучий методологический вопрос» историко-экономической науки — «насколько возможно вообще научное исследование экономических и социальных отношений прошлого» (там же, д. 117, л. 125). В период же своих активных занятий проблемами экономической историографией, в лекциях по историографии истории СССР, прочитанных на историческом факультете МГУ, ученый ставил в пример будущим историкам «буржуазного экономиста А.А. Кауфмана», достигшего больших успехов в изучении писцовых книг, к которым тот подошел «как специалист по экономике земледелия. Он сумел в этих писцовых книгах увидеть то, чего не увидели историки. ... Каким образом он мог это сделать — потому что он знал земледелие хорошо, а историки, изучавшие писцовые книги, не сумели этого прочесть. Буржуазный экономист Кауфман с этой точки зрения подошел к писцовым книгам, а мы подойти не удосужились» (там же, д. 127, л. 42).

²⁵ АРАН. Ф. 1639, оп. 1, д. 127, л. 106.

²⁶ Крандиевский С.И. Историческая школа в политической экономии и буржуазная экономическая история // Харьковский ин-т сов. торг. Научные записки. Вып. 9 (11). Харьков, 1959. С. 217–234; Он же. Экономическая история в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса // Сб. научн. работ кафедр полит. экономии вузов г. Харькова. Харьков, 1960. Вып. 2. С. 197–212; Он же. К критике методологии буржуазной экономической истории конца XIX века // Ученые зап. Харьк. ун-та. Т. 129. Труды ист. ф-та. Т. 10. Харьков, 1962. С. 70–84. Также как и в случае с В.К. Яцунским отметим факт пробуждения интереса к проблемам экономической историографии у С.И. Крандиевского в процессе занятий частным ее вопросом — эко-

номической историей отдельного предприятия. Еще в начале 1930-х гг. увидели свет такие его работы как «Изучай свой завод (В помощь фабрично-заводским ячейкам в монографическом изучении своего предприятия)» (М., 1932) и «Изучение промышленного предприятия: Учебник для заочных краеведных курсов» (М., 1933).

²⁷ См.: Крандиевский С.И. Очерки по историографии экономической истории (XVII–XIX вв.). Харьков, 1964. 305 с.

²⁸ См.: Он же. Проблемы экономической историографии // Экономические науки. 1972. № 2. С. 60–64.

²⁹ Там же. С. 61.

³⁰ Он же. Очерки по историографии экономической истории (XVII–XIX вв.): автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Киев, 1966. С. 5.

³¹ Он же. Проблемы экономической историографии... С. 63.

³² См.: Он же. Очерки по историографии экономической истории (XVII–XIX вв.). Харьков, 1964. С. 4.

³³ Бахтадзе В. Книга по историографии экономической истории // Научные доклады высшей школы. Экономические науки. 1966. № 2. С. 129. Мы оставляем за скобками во многом справедливую критику, прозвучавшую в адрес авторского видения предмета экономической истории, который определялся как «история производства во всем его конкретном многообразии на различных этапах истории народа».

³⁴ Крандиевский С.И. Очерки по историографии экономической истории (XVII–XIX вв.). Харьков, 1964. С. 5. Обратим внимание на «очерковое построение» и этого историографического исследования, которое автор объяснил как недоступностью многих историографических источников, так и обилием историографического, а фактически — библиографического, материала (там же).

³⁵ Там же. С. 14.

³⁶ Там же. С. 255.

³⁷ Стоит заметить, что и историки и экономисты, на протяжении десятилетий обращавшие внимание на сей факт, не давали ему сколько-нибудь внятного историко-научного толкования, усматривая в нем даже показатель сложившегося разделения труда в экономической истории.

³⁸ См.: Авдаков Ю.К. К вопросу о предмете истории народного хозяйства // Научные записки. Вып. 4 / Всесоюзн. заочн. экон. ин-т. Кафедра полит. экономии. М., 1958. С. 156–174; Шемякин И.Н. О предмете экономической истории // Тезисы докладов на научно-методическом совещании по экономической истории / ред. колл. Е.Ф. Борисов и др. Киев, 1965. С. 19–26; Голубничий И.С. Связь предметов экономической истории и политической экономии // Там же. С. 80–86 и др.

³⁹ Полянский Ф.Я. Критика буржуазных и реформистских концепций экономической истории // Тезисы докладов на научно-методическом совещании по экономической истории ... С. 61–62.

⁴⁰ См. например: Чунтулов В.Т. Экономическая история зарубежных стран (курс лекций). Ч. 1. С древнейших времен до 70-х гг. XIX в. Киев, 1959. С. 9–16; Экономическая история капиталистических стран / под ред. В.Т. Чунтулова. М., 1973. С. 14–22.

⁴¹ См.: Романов И. О понятии «экономическая история» // Экономические науки. 1972. № 2. С. 65–69. При всей их идеологической нагруженности выводы автора уже серьезно отличались от немногим более чем десятилетней давности заключения о другом приоритете — России как «родине истории народного хозяйства как самостоятельной отрасли научного знания» (Авдаков Ю.К. Указ. соч. С. 157).

⁴² См.: Гусейнов Р.М. Вопросы истории советского хозяйства в экономической литературе 1917–1937 годов: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1977. С. 1; См. также: Гусейнов Р.М. Первые опыты научного освещения советской экономической истории // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1977. № 1. Вып. 1. С. 142–151; Он же. Первые шаги советской экономической истории // Экономические науки. 1990. № 7. С. 66–73. Справедливости ради заметим, что первым историографическое исследование этого периода предпринял тот же С.И. Крандиевский в своей статье «Изучение экономической истории в СССР за 40 лет» (См.: Ученые записки Харьковского ун-та. Т. ХСII. Труды экон. ф-та. Каф. полит. экон. Т 3. Харьков, 1957. С. 319–346).

⁴³ См.: Солодкина М.М. История народного хозяйства // Всемирная история экономической мысли. Т. 3. Начало ленинского этапа марксистской экономической мысли. Эволюция буржуазной политической экономии (конец XIX–начало XX в.) / гл. ред. В.Н. Черковец. М., 1989. С. 295–298.

⁴⁴ См.: Солодкина М.М. Об историко-экономическом познании // Истоки. Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. М., 1989. С. 24–36.

⁴⁵ См.: Дроздов В.В. История народного хозяйства // Всемирная история экономической мысли. Т. 4. Теории социализма и капитализма в межвоенный период / гл. ред. В.Н. Черковец. М., 1990. С. 286–292.

⁴⁶ См.: Дроздов В.В. История народного хозяйства // Всемирная история экономической мысли. Т. 6. Экономическая мысль социалистических и развивающихся стран в послевоенный период (40-е–первая половина 90-х гг.) / гл. ред. В.Н. Черковец. М., 1997. С. 495–501. Такой подход во многом обусловлен авторским видением историографии прежде всего как «литературы вопроса» и «истории исторических знаний» в области экономической истории, в силу чего основными задачами исследования становятся выявление литературных источников, а также определение круга проблем, в них рассматриваемых (более подробно см: Дроздов В.В. Современные буржуазные концепции истории советской экономики. М., 1990; Он же. Экономические реформы в СССР (1953–1985): Взгляды зарубежных ученых. М., 1998; Он же. Современная зарубежная историогра-

фия советской экономики в 1940-е гг. М., 1998; Он же. Современная зарубежная историография экономической политики СССР в 1946–1985 гг.: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 1998).

⁴⁷ См., например: Погребинская В.А. Новое экономическое направление (методы исследования российского типа экономики) // Эволюционная экономика и «мэйнстрим». М., 2000. С. 178–187; Она же. «Новое направление» как школа российского институционализма // Экономический журнал. 2001. № 1. С. 164–178.

⁴⁸ Фролов Д.П. «Институциональная оттепель» в экономической истории и политической экономии СССР // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: Ежегодник. Вып. 4. Волгоград, 2002. С. 113. Нельзя не согласиться с выводом о наступившей в отечественной истории экономической мысли «моде» на институционализм: «подобно тому, как в советские годы у всех заметных представителей науки искали проблески марксизма, теперь ищутся следы институционализма, не говоря уже о традиционном стремлении показать, что в России он давно существовал» (Макашева Н. Экономическая наука в России в период трансформации (конец 1980-х–1990-е гг.): революция и рост научного знания // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса / редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.) и др. 2-е изд. М., 2007. С. 423).

⁴⁹ Мы сознательно оставляем за пределами анализа работы, которые через обращение к текстам лишь «раскрывают черты российской экономики» и «объясняют их происхождение» (см., например, Лузан П.П. Василий Осипович Ключевский как историк экономики России // ЭКО. 2001. № 9).

⁵⁰ Рогалина Н.Л. Борис Бруцкус — историк народного хозяйства России. М., 1998. 192 с.; она же. Борис Бруцкус — историк народного хозяйства СССР // Экономическая история: Обзорение / под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 6. М., 2001. С. 107–109. Можно согласиться с критикой попыток представить Б.Д. Бруцкуса «крупнейшим специалистом по истории народного хозяйства» (Бокарев Ю.П. Экономическая история // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А.К. Соколова. М., 2004. С. 605). Попыток, объяснить которые можно, в том числе, и стремлением историографии откликнуться на возросший «спрос» на представителей либерального направления экономической мысли в период либеральных рыночных реформ, что увязало друг с другом задачи и методы историографического исследования.

⁵¹ См.: Виноградов С.М. Историко-экономические воззрения И.М. Кулишера. СПб., 2002. 133 с.; Он же. Историко-экономические произведения И.М. Кулишера // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: Ежегодник. Вып. 4. Волгоград, 2002. С. 79–91; Он же. И.М. Кулишер как историк-экономист // Русская наука в биографических очерках. СПб., 2003. С. 221–235; и др.

⁵² См.: Виноградов С.М. И.И. Иванюков — представитель исторической школы в российской экономической науке. СПб., 2007. 99 с.; Он же. И.И. Иванюков и русский катедер-социализм // Известия СПбГУЭФ. 2007. № 2. С. 99–112.

⁵³ См.: Виноградов С.М. М.М. Ковалевский — основоположник российской школы экономической истории // Экономика и политика России в переходный период: научн. сессия проф.-препод. состава научн. сотр. и асп. По итогам НИР 2006 г. Ф-т экон. теории и политики: сб. докл. / под ред. В.А. Грошева, А.В. Лабудина. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2007. С. 72–80.

⁵⁴ См.: Бельских И.Е. Промышленная история России М.И. Туган-Барановского. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. 156 с.

⁵⁵ См.: Перлов А.М. История науки: введение в методологию гуманитарного знания: курс лекций. М., 2007. С. 74–80.

⁵⁶ Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма (историографический очерк). Казань, 1922. С. 48.

⁵⁷ С той же решительностью, с какой «легальные» и «нелегальные» дореволюционные марксисты-экономисты выдворялись за пределы исторической науки в начале советской эпохи (а присутствие в их рядах историков станет в дальнейшем предметом особого внимания), по ее окончании они стали обвиняться в грехе распространения «заразы» экономического редукционизма (игнорирующего важные для народного хозяйства политические, религиозные и культурные события) на отечественные историко-экономические исследования (см.: [Бокарев Ю.П.] Экономическая история // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А.К. Соколова. М., 2004. С. 594–597).

⁵⁸ См.: Бовыкин В.И. Актуальные проблемы экономической истории // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 19. В.И. Бовыкин увидел существо проблемы в отсутствии четких границ «экономической истории», осложнившим составителям задачу отбора литературы, однако проигнорировал сами принципы его осуществления. Неудивительно поэтому, что учтенные в указателях «историко-экономические» публикации оказались, на взгляд историографа, «не связаны единством общей цели», а библиографические пособия в целом — оставили лишь «впечатление» незавершенности в нашей стране процесса «самоопределения» экономической истории в качестве самостоятельной научной дисциплины (там же. С. 20). За стремлением представить библиографические указатели научных публикаций в качестве историографического источника, характеризующего проблемно-тематическую структуру науки или указывающего на ее статус, скрывается вера не просто в выполнение исторической библиографией систематизирующей функции, а в приведение ею выявленной и отобранной литературы в систему, соответствующую структуре

самой науки. Между тем, «библиографию» следует рассматривать скорее в качестве одной из многих «инстанций восприятия» дисциплины. В данном случае «инстанции», которая благодаря использованию определенной документальной классификационной системы «приписывает» дисциплине когнитивное содержание, структуру, статус. Последние лишь до некоторой степени связаны с «объективными» признаками дисциплины, являясь субъективными — то есть ценностными и избирательными — суждениями, имеющими, правда, вполне «объективные» для дисциплины последствия (См.: Шпигель-Резинг И. Стратегии дисциплины по поддержанию своего статуса // Научная деятельность: структура и институты. М., 1980. С. 127–129).

⁵⁹ Дин Ф. Роль истории экономической мысли // Панорама экономической мысли конца XX столетия / ред. Д. Гринзуэй, М. Блини, И. Стюарт. Пер. с англ. В 2-х т. СПб., 2002. Т. 1. С. 31.

⁶⁰ Шумпетер Й.А. История экономического анализа... Т. 2. С. 579.

⁶¹ Там же. С. 505.

⁶² Шумпетер Й.А. История экономического анализа... Т. 3. С. 1035.

⁶³ Богомазов Г.Г. О философско-методологических основаниях историко-экономических исследований // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 5. Экономика. 2006. Вып. 2. С. 60.

⁶⁴ См.: Богомазов Г.Г., Дроздова Н.П. Предмет и методология экономической истории // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 5. Экономика. 2000. Вып. 2. С. 109–126. Рефлексия по поводу философско-методологических оснований рассматривается, в частности, в качестве характерной черты «петербургско-ленинградской историко-экономической школы», отличающей ее от «московской школы», придерживающейся «хронологического подхода и историко-описательного метода» (Благих И. Петербургско-ленинградская историко-экономическая школа // Экономист. 2009. № 6. С. 88).

⁶⁵ О том, что такие попытки не являются случайными эпизодами, свидетельствует монография Р.Я. Подоль «Теория исторического процесса в русской историософии первой трети XX века» (М., 2008), задавшаяся целью показать процесс развития отечественной историографии в русской историко-философской мысли, и включающая специальный параграф, посвященный историко-экономическому направлению в историософии начала минувшего века.

⁶⁶ Никифоров А.Л. Философия науки: история и методология. М., 1998. С. 275.

⁶⁷ Мегилл А. Историческая эпистемология / пер. с англ. М. Кукарцевой и др. М., 2007. С. 256.

⁶⁸ Впрочем, заявления о противоположной эпистемологической ориентации историков и экономистов не являются редкостью и исходят как от экономистов, фактически выводящих «экономiku» за рамки социаль-

ного знания и помещающих ее в пределы естествознания (науки), так и историков, критически относящихся к притязаниям исторического знания на научность.

⁶⁹ См.: Шумпетер Й. История экономического анализа... Т. 1. С. 14, 30.

⁷⁰ См.: Шумпетер Й. История экономического анализа... Т. 3. С. 1064–1065. Точку зрения Шумпетера любопытно сравнить с видением проблемы отечественной историографией тех лет. Если американский историк экономической науки оставляет за скобками своей работы значительный круг историков, «кто расширил наши познания в области экономических и социальных институтов и процессов средневековья в значительно большей степени, чем кто-либо из экономистов» (там же, С. 1065), советский историк Е.В. Гутнова напротив объединяет в рамках некоего общего «историко-экономического направления в медиевистике», как историков (в том числе и отечественных: М.М. Ковалевского, И.В. Лучицкого, П.Г. Виноградова, Д.М. Петрушевского и А.Н. Савина), так и экономистов — представителей исторической школы в политической экономии, превращая одного из них в основоположника этого направления в Англии (см.: Гутнова Е.В. Т. Роджерс и возникновение историко-экономического направления в английской медиевистике второй половины XIX в. (60–90-е годы) // Средние века. М., 1960. Вып. XVII. С. 349–373).

⁷¹ См.: [Бокарев Ю.П.] Экономическая история // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А.К. Соколова. М., 2004. С. 594–607.

⁷² Бокарев Ю.П. Экономическая история и экономическая теория (научный доклад). М., 2007. С. 24.

⁷³ Крафтс Н.Ф.Р. Экономическая теория и история // Панорама экономической мысли конца XX столетия / ред. Д. Гринэуэй, М. Блини, И. Стюарт. Пер. с англ. В 2-х т. СПб., 2002. Т. 2. С. 992. (Ср.: Crafts N. F. R. Cliometrics, 1971–1986: A Survey // Journal of Applied Econometrics. 1987. Vol. 2. No. 3. Pp. 171–192).

⁷⁴ См.: Ломова С.А. Экономическая история и клиометрика: самоидентификация направления в России и за рубежом // Новая и новейшая история. 1997. С. 3–20 (Ср.: Ломова С.А. Сорок лет американской клиометрики (заметки по истории научного направления) // Компьютер и экономическая история: сб. научн. тр. Барнаул, 1997. С. 104–137). См. также: Бородкин Л.И. Квантитативная история в системе координат модернизма и постмодернизма // Новая и новейшая история. 1998. № 5. С. 3–16.

⁷⁵ Козлов С., Дмитриев А. История филологии с прагматической точки зрения // Новое литературное обозрение. 2006. № 6 (82). С. 8.

⁷⁶ Современные исследователи творчества ученого утверждают даже, что шумпетерианской «экономической историографии» присущи

отличительные свойства подходов как Т. Куна, так и И. Лакатоша» (Винарчик П. Спасение идей: Й. Шумпетер и ключевые проблемы противоборствующих экономических теорий // Вопросы экономики. 2003. № 11. С. 17–18).

⁷⁷ Perlman M. Perceptions of Our Discipline: Three Magisterial Interpretations of the History of Economic Thought // History of Economics Society Bulletin. 1986. Issue 2. Pp. 9–28. — Режим доступа: <http://208.106.171.85/bulletin/vol7/No2/>. См. также: Perlman M. Schumpeter as a Historian of Economic Thought // Research in History of Economic Thought and Methodology: A Research Annual. Vol. 1 / Warren J. Samuels (ed.). Greenwich, CT: JAI Press, 1983. Pp. 113–130; Перлман М. Предисловие // Шумпетер Й. История экономического анализа: В 3-х т. / пер с англ. под ред. В.С. Автономова. СПб., 2001. Т. 1. С. XXIII.

⁷⁸ Бокарев Ю.П. Экономическая история и экономическая теория (научный доклад). М., 2007. С. 6.

⁷⁹ Перлман М. Предисловие // Шумпетер Й. История экономического анализа... Т. 1. С. XXIII.

⁸⁰ Шумпетер Й. История экономического анализа... Т. 1. С. 5.